

ПРЕДИСЛОВІЕ.

Русская женщина до сихъ поръ не имѣетъ своего историка. Какихъ-нибудь два-три опыта изслѣдованій объ историческихъ судьбахъ ея, въ родѣ книжки г. Добрякова, не стоятъ даже и того, чтобы упомянуть о нихъ.

Между тѣмъ, въ виду вопросовъ эманципации, волнующихъ современныя женскія поколѣнія, знаніе былыхъ судебъ русской женщины представляется не только интереснымъ, но и практически-полезнымъ для дѣла освобожденія. Настоящее есть результатъ прошедшаго и постоянно находится подъ вліяніемъ традиціоннаго авторитета; мы убѣждаемся на каждомъ шагѣ, что въ современной жизни дѣйствуетъ такъ много архаическихъ принциповъ, что о прошедшемъ нельзя говорить, не задѣвая, въ то же время, жизненныхъ вопросовъ дня. Цѣлые отдѣлы современной жизни принадлежатъ вовсе не нашему времени, а служатъ только остатками того стариннаго быта, отъ котораго цивилизованное меньшинство давнымъ-давно уже отдѣлалось навсегда. Брачная и семейная жизнь крестьянства, мѣщанства, купечества, духовенства, мелкаго чиновничества, напр., по своимъ основнымъ характеристическимъ чертамъ имѣетъ такъ мало общаго съ современными понятіями и формами, что мы имѣемъ полное основаніе разсматривать ее въ

связи съ жизнью русскаго общества XVI и XVII столѣтій. Такая классификація историческихъ данныхъ кажется намъ не только полезною въ практическомъ отношеніи, но и необходимою для большаго уясненія прошлаго посредствомъ тѣхъ остатковъ его, которые продолжаютъ существовать до сихъ поръ, вслѣдствіе того обстоятельства, что низшіе и частію средніе классы все еще остаются чуждыми того умственнаго и соціальнаго движенія, которое совершается въ средѣ европейски-образованныхъ слоевъ націи. Поэтому, рассматривая семейную и брачную жизнь среднихъ и низшихъ классовъ XVIII и XIX столѣтій, въ связи съ исторіей допетровской женщины, мы, начиная съ XVIII вѣка, будемъ слѣдить только за судьбами женщины цивилизованнаго общества.

Тяжка и незавидна была судьба русской женщины: много слезъ пролито ею на пути ея историческаго существованія; много горя, униженія и рабства вынесла она въ семейной и общественной жизни, не искупивъ своихъ страданій ничѣмъ, что могло бы возвысить и отмѣтить ее въ исторіи человѣчества. Мало того, что по словамъ поэта, —

Три тяжкія доли имѣла судьба:
И первая доля — съ работою повѣнчаться,
Вторая — быть матерью сына-раба,
А третья — до гроба рабу покориться, —
И всѣ эти грозныя доли легли
На женщину русской земли...

Мало этого. Независимо отъ полнѣйшаго политическаго рабства и безусловной подчиненности семейству, идея женской отверженности проникала собою всю старинную жизнь, освящаясь религіей, закономъ, обычаями и всѣми гражданскими и общественными учрежденіями. Съ этимъ согласно большинство нашихъ историковъ. Но ни одинъ изъ нихъ не обратилъ должнаго вниманія на то обстоятельство, что женщина старалась освободиться изъ этого положенія, что она боролась съ враждебными ей началами и улучшала постепенно свою незавидную долю. Правда, что въ большин-

ствѣ случаевъ это была борьба глухая, пассивная, едва замѣтная для посторонняго зрителя, но, тѣмъ не менѣе, самый фактъ борьбы не подлежитъ сомнѣнію. И противодѣйствіе русской женщины всему, что давило и поработало ее, было достаточно сильнымъ, чтобы доставить ей нѣсколько такихъ правъ, за пріобрѣтеніе которыхъ до сихъ поръ еще борется современная женщина самыхъ развитыхъ странъ Европы.

Да, русскія женщины, позади васъ лежатъ цѣлыя столѣтія, ознаменованныя тяжкими страданіями вашихъ прародительницъ и ихъ борьбою за свое освобожденіе. Наше время, продолжая эту борьбу, придало ей другой характеръ, поставило для нея болѣе существенныя и возвышенныя цѣли. Старая, тысячелѣтняя борьба въ наши дни не только продолжается, но и значительно усиливается. Твердо же пойдемъ впередъ съ полною надеждою на будущее освобожденіе женщины, и если даже намъ не суждено дожить до дня окончательной побѣды, то мы все-таки можемъ насладиться хотя постепеннымъ осуществленіемъ своихъ идей и умереть —

Съ вѣрой, что вызовутъ наши гробы
Новое племя для новой борьбы!...

Настоящій очеркъ былъ уже напечатанъ подъ другимъ заглавіемъ въ журналѣ „Дѣло“. Исправивъ и значительно дополнивъ его, авторъ рѣшается издать его отдѣльною книгою, хотя и сознаетъ всѣ его недостатки, зависящіе сколько отъ неразработанности предмета, столько же и отъ того обстоятельства, что авторъ пишетъ въ одномъ изъ самыхъ глухихъ медвѣжьихъ уголковъ провинціи, лишенный многихъ важныхъ пособій, доступныхъ столичному писателю. Но при всемъ этомъ авторъ думаетъ, что какъ первый и единственный опытъ обзора исторіи русской женщины и какъ дополненіе къ его книгѣ: „Историческія Судьбы Женщины, Дѣтубійство и Проституція“ — настоящій трудъ его будетъ не бесполезнымъ для развитія у насъ женскаго самосознанія.

Авторъ пользовался слѣдующими источниками и пособиями:

- 1) Полное собраніе русскихъ лѣтописей.
- 2) Акты историческіе, 5 томовъ.
- 3) Дополненія къ актамъ историческимъ, 9 т.
- 4) Полное собраніе законовъ россійской имперіи, первые 18 т.
- 5) Памятники старинной русской литературы, изд. подъ редакціей Костомарова и Пыпина, 4 т.
- 6) Русскія пѣсни изъ собранія Якушкина.
- 7) Пѣсни, собранныя Рыбниковымъ.
- 8) Этнографическій сборникъ русскаго географическаго общества, 5 т.
- 9) Терещенко, Бытъ русскаго народа, 7 ч. 1848.
- 10) Сахаровъ, Сказанія русскаго народа, 2 т.
- 11) Кулишъ, Записки о южной Руси, 2 т.
- 12) В. Шульгинъ, О положеніи женщинъ до Петра В., 1850.
- 13) Добрянковъ, Русская женщина въ домопгольскій періодъ, 1866.
- 14) Забѣлинъ, Бытъ русскихъ царицъ въ XVI и XVII ст., 1869.
- 15) Спасовичъ, Объ отношеніяхъ супруговъ по древнепольскому праву, 1857.
- 16) Кошкинъ, О Россіи въ царствованіе Алексѣя Михайловича.
- 17) Крижаничъ, Русское государство въ половинѣ XVII в.
- 18) Домострой, 1867.
- 19) Стоглавъ, 1863.
- 20) Книга Пчела, во временникѣ общества исторіи, томъ 25-й.
- 21) Нильскій, Семейная жизнь въ расколѣ, 2 ч., 1869.
- 22) Соловьевъ, Исторія Россіи, 20 т.
- 23) Костомаровъ, Историческія монографіи, 8 т.
- 24) Костомаровъ, Очеркъ жизни великорусскаго народа въ XVI и XVII ст., 1861.
- 25) Неволинъ, Исторія русскихъ гражданскихъ законовъ, 3 т. 1858.
- 26) Калачовъ, О значеніи кормчей въ древнерусскомъ правѣ, 1850.
- 27) Афонасьевъ, Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу, 3 т., 1866—1869.
- 28) Манушевъ, Сказанія иностранцевъ о бытѣ и нравахъ славянъ, 1861.
- 29) Иконниковъ, О культурномъ значеніи Византіи въ русской исторіи, 1869.
- 30) Буслаевъ, Историческіе очерки русской словесности и искусства, 2 т., 1862.
- 31) Архивъ историко-юридическихъ свѣдѣній о Россіи, Калачова, 3 т.
- 32) Архивъ историко-практическихъ свѣдѣній о Россіи, его же, 6 книгъ.
- 33) Чтенія въ обществѣ исторіи и древностей за годы 1858—1869.
- 34) Русскій архивъ за годы 1864—1871.
- 35) Восемнадцатый вѣкъ, историческій сборникъ Бартенева, 4 т.
- 36) Архивъ кн. Воронцова, 1870.
- 37) Русская старина за годы 1870 и 1871.
- 38) Сборникъ русскаго историческаго общества, 6 т., 1867—1871.
- 39) Описаніе документовъ и дѣлъ, хранящихся въ архивѣ синода, 1868.

- 40) **Филаретъ**, Исторія русской церкви, 5 частей.
- 41) **Щаповъ**, Расколъ старообрядства, 1859.
- 42) Записки Г. Р. Державина, 1859.
- 43) Записки Нащокина, 1842.
- 44) Записки Грибовскаго, 1862.
- 45) Записки Энгельгарта, 1867.
- 46) Записки Храповицкаго.
- 47) Записки Лопухина.
- 48) Записки адмирала Шишкова.
- 49) Записки Мертваго, 1867.
- 50) Воспоминанія Вигеля, 3 т., 1866.
- 51) Взглядъ на мою жизнь, И. И. Димитріева, 1866.
- 52) Мелочи изъ запаса моей памяти, М. Дмитріева, 1869.
- 53) Записки Современника, Жихарева, 1856.
- 54) Записки гр. Блудовой, въ «Зарѣ», 1871, III т.
- 55) Записки Е. А. Хвостовой, 1871.
- 56) **Морошкинъ**, Иезуиты въ Россіи, 2 т. 1869.
- 57) **Галаховъ**, Исторія русской словесности, 2 т., 1863—1868.
- 58) **Афонасьевъ**, Русскіе сатирическіе журналы 1769—1774 г., 1859.
- 59) **Поповъ**, Татищевъ и его время, 1861.
- 60) **Пенарскій**, Маркизъ де-ла Шетарди въ Россіи, 1862.
- 61) **Барсовъ**, Русскій престонародный мистицизмъ, 1869.
- 62) **Анучинъ**, Матеріалы для уголовной статистики Россіи, 1865.
- 63) **Мордовцевъ**, Самозванцы и понизовая вольница, 2 т., 1867.
- 64) **Шашковъ**, Очерки русскихъ нравовъ въ старинной Сибири, въ «Отечеств. Запискахъ», 1867, кн. XX—XXII.
- 65) **Муравьевъ**, Житія святыхъ російской церкви, 12 т.
- 66) **Ансановъ**, Семейная хроника и воспоминанія, изд. 4-е, 1870.
- 67) Труды архангельскаго статистическаго комитета за 1865—1868 г., 3 т.
- 68) Путешествіе Олеарія.
- 69) Исторія о великомъ княжествѣ московскомъ, Петрея.
- 70) Дневникъ Корба.
- 71) Дневникъ Верхольца, 6 ч., 1863.
- 72) Статьи Семейскаго: «Слово и дѣло», «Фрейлина Гамильтонъ», «Семейство Монсовъ», и др.
- 73) **Мордовцевъ**, Русскіе чародѣи и чародѣйки конца прошлаго вѣка, «Заря». 1871, I.
- 74) **Филипповъ**, Взглядъ на русскіе гражданскіе законы, «Современникъ», 1861.
- 75) Чины свадебные, во «Временникѣ» т. 25.
- 76) По поводу женскихъ характеровъ въ нѣкоторыхъ повѣстяхъ, «Современникъ», т. CXIII.
- 77) Жалоба женщины, id., т. LXIII.
- 78) **Добролюбовъ**, Сочиненія.
- 79) **Бѣлинскій**, Сочиненія.

VI

- 80) Лядовъ, Историческій очеркъ Смольнаго института, 1864.
- 81) Нина Р., Хроника Смольнаго монастыря въ царствованіе Екатерины II, 1864.
- 82) Крыловъ, Слѣдователь въ Сибири, сборникъ «Лучъ», 1866.
- 83) Головачовъ, О женскихъ учебныхъ заведеніяхъ, «Русск. Вѣстникъ», т. XXVIII.
- 84) Кузнецовъ, Историко-статистическій очеркъ проституціи и сифилиса въ Москвѣ, «Архивъ Судебн. Медич.», 1870, IV.
- 85) Ольга Алентева, Женскій трудъ въ теоріи и въ жизни, «Недѣля», 1870, № 18, 19, 20.
- 86) Португаловъ, Женскій и мужской вопросъ въ провинціи, id., № 42.
- 87) Женщины въ Казанскомъ университетѣ, id., № 49.
- 88) Любавскій, Объ уравниніи наслѣдственныхъ правъ мужчинъ и женщинъ, Журн. Минист. Юстиціи, т. XX.
- 89) Навелинъ, Взглядъ на историческое развитіе русскаго порядка законнаго наслѣдованія.
- 90) Муловъ, Значеніе народныхъ юридическихъ обычаевъ, Журн. Мин. Юст., т. XI.
- 91) Муловъ, Женщина, какъ подсудимая и преступница, id., т. VII.
- 92) Муловъ, О вліяніи ссылки на бракъ по русскимъ законамъ, id., т. VIII.
- 93) Карновичъ, О женскомъ трудѣ въ Петербургѣ, 1865.
- 94) Кузнецовъ, Проституція и сифилисъ въ Россіи, 1871.

и другіе.

I.

Въ сочиненіи моемъ „Историческія Судьбы Женщины“ читатель найдетъ много данныхъ, доказывающихъ, что въ первобытной жизни народовъ женщина была гораздо свободнѣе и вліятельнѣе, чѣмъ при дальнѣйшемъ развитіи человѣческихъ обществъ. Она успѣшно боролась противъ своего гнета, она не только могла держаться наравнѣ съ мужчиной, но даже нерѣдко достигала полного преобладанія надъ нимъ; она была главою семьи и родство по матери служило основнымъ принципомъ зачаточной общественной жизни.

Остатки такихъ первобытныхъ порядковъ мы видимъ и въ жизни древнихъ славянъ.

Если-бы не достовѣрныя историческія свидѣтельства, то, зная характеръ современныхъ славянскихъ народовъ, трудно было бы повѣрить, что ихъ предки отличались такою сильною любовью къ свободѣ и независимости, что возбуждали изумленіе въ грекахъ и римлянахъ эпохи паденія. „Даже рабы, по словамъ Маврікія,—содержались у славянъ въ неволѣ не всю жизнь, какъ это бываетъ у другихъ народовъ, но, по прошествіи извѣстнаго времени, имъ предоставлялось на выборъ—или возвратиться на родину, заплативъ выкупъ, или остаться у славянъ людьми свободными и друзьями“. Любовь славянъ къ свободѣ была столь общеизвѣстною,

что въ законодательныхъ памятникахъ встрѣчаются выраженіе — „свободень, какъ славянинъ“, или „свободолюбивъ, какъ славянинъ.“

Эту черту, столь естественную у первобытнаго и воинственнаго народа, мы замѣчаемъ и въ характерѣ древне-славянской женщины. Она еще не окончательно покорена мужчиною, не превратилась еще въ служанку семьи и въ подневольную одалиску мужа, безотвѣтную и безсильную передъ своимъ владыкой. Узы брака еще не окрѣпли, а у нѣкоторыхъ народовъ остатки первобытной половой свободы доходили до полного гетеризма. Въ языческой Чехіи, по словамъ лѣтописца Козьмы Пражскаго, „какъ свѣтъ солнца, какъ влага водъ, общимъ достояніемъ всѣхъ были и луга, и пажити, и даже самые браки были общими. Бракъ продолжался одну ночь. На утро разрывались цѣпи любви. Тогда позволялось мужу имѣть чужую жену и женѣ выходить за чужаго мужа“. Это отсутствіе брака и полная общность женщины, которыя мы встрѣчаемъ въ первобытной жизни всѣхъ народовъ, исчезли у славянъ уже въ самомъ началѣ той эпохи, когда на это племя было обращено вниманіе иностранцевъ, оставившихъ намъ свѣденія объ ихъ жизни и правахъ. Хотя мы уже видимъ въ это время у славянъ и сильную отеческую власть, и бракъ, основанный на умыканіи невѣсты. но въ то-же самое время остатки первобытной половой свободы продолжаютъ держаться въ славянской жизни, благодаря усиліямъ женщинъ. Самое умыканіе дѣвушекъ сплошь и рядомъ превращалось изъ насилія въ дѣло свободного договора жениха и невѣсты. Славяне, рассказываетъ Несторъ, сходились на игрища, устраиваемыя между селеніями, и тутъ умыкали себѣ въ жены дѣвушекъ, съ которыми сговаривались прежде. Въ архангельской губерніи и въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Сибири такіе порядки существуютъ и до сихъ поръ. Здѣсь женихи сплошь и рядомъ воруютъ любимыхъ ими невѣстъ, родители которыхъ несогласны на ихъ замужество. Сговоръ объ уходѣ между парнемъ и дѣвушкой, какъ и во времена Нестора, совершается чаще всего на игрищахъ. Въ этихъ

хороводныхъ играхъ и пѣсняхъ, уцѣлѣвшихъ отъ древнихъ временъ, мы также видимъ явные слѣды тѣхъ свободныхъ сговоровъ и обоюднаго выбора жениховъ и невѣстъ, о которыхъ говоритъ лѣтописецъ. Мало того, что въ этихъ играхъ парни выбираютъ себѣ дѣвушекъ, а дѣвушки парней и составляютъ *пары*, и что въ хороводахъ выборъ пары представляется дѣвушкамъ наравнѣ съ парнями, — часто мужчины и женщины составляютъ двѣ отдѣльныя партіи, которыя сходятся за тѣмъ, чтобы договариваться о свадьбахъ. Женщины поютъ:

«Боляре, вы зачѣмъ пришли,
«Молодые, вы зачѣмъ пришли?

Мужчины отвѣчаютъ:

«Княгини, мы невѣсть смотрѣть,
«Молодые, мы невѣсть смотрѣть!»

Затѣмъ идутъ дальнѣйшіе переговоры. На дѣйствительность подобныхъ сходбищъ партіи невѣсть и партіи жениховъ указываютъ и чешскія хроники. Козьма Пражскій, рассказавъ легенду о борьбѣ дѣвушекъ съ юношами, говоритъ, что обѣ стороны заключили перемиріе и устроили трехдневное общее празднество. „Вступаютъ юноши на пиръ съ дѣвицами, какъ хищные волки, ищущіе добычи. Весело проводятъ они первый день въ питьѣ и ѣдѣ. Чѣмъ больше пьютъ, тѣмъ больше возрастаетъ жажда. Едва къ ночи затихаетъ пиршество. Настала ночь. На ясномъ небѣ сверкала луна. Вдругъ затрубилъ одинъ юноша и, подавъ этимъ знакъ, закричалъ: „полно пить, ѣсть, играть! Вставайте, зоветь васъ любовь!“ Юноши¹ тотчасъ бросаются на дѣвушекъ и умыкаютъ ихъ. Все это напоминаетъ намъ рассказы объ амазонкахъ, о гинейнократическихъ первобытныхъ народахъ, о современныхъ папуасахъ сѣверной Австраліи, у которыхъ до сихъ поръ можно встрѣтить общества женщинъ, живущія совершенно особо отъ мужскихъ обществъ. Весною, когда половой инстинктъ пробуждается, самцы начинаютъ гоняться за самками, полы сходятся тоже на

своего рода *игрища*, на которыхъ и совершаются *умыканія*. Дѣтей, рожденныхъ отъ этихъ связей, матери выкармливаютъ грудью и затѣмъ, если они не принадлежатъ къ женскому полу, выпроваживаютъ изъ своего общества. Конечно, игрища времени Нестора и Козьмы Пращскаго не имѣли уже столь грубого, чисто животнаго характера, но все-таки они указываютъ своими чертами на тѣ первобытные порядки, изъ которыхъ они развились до формъ, извѣстныхъ намъ. Умыканіе и бракъ были далеко не единственною цѣлью этихъ сборищъ, которыя устраивались прежде всего для празднества въ честь боговъ полового наслажденія, для любви и веселья. На нихъ царилъ полная свобода: это были оргіи любви. Здѣсь допускались свободныя объясненія въ любви, поцѣлуи, объятія, и матери охотно посылали своихъ дочерей *по-невѣститься* на игрищахъ. „Тутъ, говоритъ христіанскій обличитель этихъ празднествъ, — стучать въ бубны, и гласъ сопѣлій, и гудуть струны, женамъ же и дѣвамъ плесканіе и плясаніе, и главамъ ихъ накиваніе, устамъ ихъ кличь и вопль, всескверныя пѣсни, и хребтамъ ихъ вихляніе и ногамъ ихъ скаканіе и топтаніе, тутъ-же мужамъ и отрокамъ великое прельщеніе и паденіе и женамъ и мужатымъ беззаконное оскверненіе и дѣвамъ растлѣніе“. Переяславскій лѣтописецъ говоритъ, что при этомъ „отъ плясанія, и отъ очнаго воззрѣнія, и отъ обнаженія мышцъ, и отъ перстовъ ручныхъ показанія и отъ перстней возлаганія на персты чужіе, также посредствомъ цѣлованія“ мужчины „познавали, которая жена или дѣвица къ юношамъ похотѣніе имать, и плотію съ сердцемъ разжегшись, слагахуся, иныхъ поймающе, а другихъ, поругавше, меташу на посмѣяніе“.

Половою свободою, проявлявшеюся, между прочимъ, на этихъ игрищахъ, пользовались въ особенности дѣвушки, какъ о томъ свидѣлствуютъ древнія хроники и путешественники. Независимость незамужнихъ женщинъ простиралась въ древности до такой степени, что породила саги объ амазонкахъ, — саги, которыя, при всей своей фантастичности, имѣли, безъ сомнѣнія, историческое